

Проблема реализации субъективных прав и обязанностей

Сухопаров Виктор Павлович

Студент (бакалавр)

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

E-mail: sukhoparov_v@mail.ru

Разнообразие возможных и необходимых вариантов поведения, предусмотренных объективным правом, детерминирует правовые взаимодействия, в рамках которых реализуются соответствующие субъективные права и обязанности. Одним из видов такого взаимодействия предстают правовые отношения. Однако в общей теории права вопрос о том, являются ли правоотношения единственным видом социально-правового взаимодействия субъектов, остается дискуссионным.

С. С. Алексеев (российский правовед, доктор юридических наук) писал об общерегулятивных и абсолютных правоотношениях как о «своеобразных правовых явлениях». Суть общерегулятивных правоотношений мыслилась в процессе несения субъектами «общих» конституционных прав и корреспондирующем воздержании всеми другими субъектами от нарушений этих прав. Абсолютные правоотношения, по С. С. Алексееву, характеризуются поименной определенностью носителя абсолютного субъективного права, осуществляющего его «по своему усмотрению», и исполнением обязанности не нарушать это право иными субъектами [1].

В позициях, изложенных С. С. Алексеевым, выявляется противоречие. Во-первых, процесс несения субъективных прав в рамках общерегулятивных правоотношений не может быть связан с нарушением таких прав. Суть того, что субъекты являются носителями своих прав, видится в принадлежности им этих прав. Нарушение субъективных прав возможно в случае создания препятствий для их осуществления, в результате которого субъекты не перестают быть их носителями.

Во-вторых, конституционные права, равно как и права, предусмотренные иными отраслями права, не могут принадлежать субъектам в статутном состоянии. Мы исходим из того, что субъекты до вступления в конкретные правоотношения предстают относительно права такой же объективной реальностью, как и право относительно них. Признание противоречащей позиции «подрывает» сущность правосубъектности, поскольку в этом случае становление субъектом правоотношения происходит не в силу его способности иметь и осуществлять права и обязанности, а в силу реального правообладания абстрактными. Категория правосубъектности характеризует индивидуальное качество потенциального субъекта правового отношения в то время, как абстрактное правообладание смешивает абстрактное явление с конкретным.

Можно сделать вывод, что общерегулятивное правоотношение не выражает социально-правовое взаимодействие.

В рамках абсолютных правоотношений субъекты осуществляют свои права самостоятельно. Однако отметим, что не каждое относительное правоотношение сводится к исполнению действий обязанным лицом в пользу управомоченной стороны. Конкретный гражданин, используя субъективное право на обращение в определенной форме в конкретный государственный орган, использует его самостоятельно своими действиями. При этом такой субъект ожидает определенное поведение от корреспондирующей стороны, выражаемое в деяниях акторов в силу исполнения субъективной юридической обязанности. Таким образом, целерациональность как неотъемлемый признак социального взаимодействия, по мнению М. Вебера, находит свое выражение в рамках относительных правоотношений, что наряду с юридизацией общественного отношения подтверждает научный

подход, согласно которому правовое отношение есть юридическая форма общественного отношения [2, 3].

Однако реализации некоторых абсолютных субъективных прав также свойственна юридикация и целерациональность. Юридикация заключается в том, что с приобретением абсолютных прав субъектами закон связывает наступление юридических фактов и предусматривает правосубъектность. Целерациональность выражается в сознательно-волевом обмене актами непосредственно взаимодействующих субъектов.

Так, осуществление свободы слова как абсолютного субъективного юридического права во взаимодействии с оппонентом является целерациональным поведением. Субъект рассчитывает на определенное поведение со стороны взаимодействующего субъекта. В силу социального качества субъекта ожидание обмена актами может быть подсознательным. Однако ответное поведение может быть любым, за исключением противоправного. Возникает вопрос о том, чем будет являться ответное действие оппонента: осуществлением свободы слова как актом произнесения конкретной реплики или осуществлением субъективного права на жизнь исходя из потребности в коммуникации? Имеет ли смысл говорить о конкретизации видов поведения, присущей правоотношениям, когда налицо имеет место социальное взаимодействие?

С нашей точки зрения, определение реализации тех абсолютных субъективных прав (право собственности, неприкосновенность жилища) посредством воздержания от противоправных посягательств со стороны неопределенного круга субъектов как абсолютных правоотношений искореняет некоторые формы правореализации. Признание абсолютных правоотношений в социально-правовой реальности приводит к сведению соблюдения правовых запретов к иной форме реализации права - исполнению обязанности воздерживаться от посягательств на охраняемые законом права граждан. Однако соблюдение запретов, установленных правоохранительными нормами, является абстрактной правовой связью.

Полагаем, принципиальное отличие реализации абсолютных субъективных прав от реализации относительных заключается в следующем. Юридическая форма относительного правоотношения предусматривает конкретную модель взаимодействия, выраженную в субъективных юридических правах и обязанностях субъектов, предусматривающих конкретные виды их поведения. Реализация абсолютных прав не связана с заданностью юридической формы, а фундирована социальностью. Можно сделать вывод, что правоотношения как юридическая форма общественных отношений не являются единственным видом реализации субъективных юридических прав и обязанностей. Реализация абсолютных субъективных прав возможна вне правовых отношений, в том числе в рамках абстрактных правовых связей и социального взаимодействия в его традиционном понимании.

Источники и литература

- 1) Алексеев С. С. Общая теория права: В 2 т. М., 1981-1982. Т. 2.
- 2) Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX вв. М., 1996. С. 460-495.
- 3) Кучинский В. А. Современное учение о правовых отношениях. Минск, 2008.